

ДЕЛО «РЕСТАВРАЦИЯ». ТАШКЕНТСКАЯ (1930 г.) ПЛАТФОРМА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В ночь с 5 на 6 сентября 1930 г. полпредство ОГПУ в Средней Азии провело в Ташкенте аресты ссыльных эсеров. Взяли бывшего члена последнего состава (1925 г.) Центрального бюро (ЦБ) Партии социалистов-революционеров (ПСР) в Ленинграде литератора Евгения Евгеньевича Колосова и бывшего члена Дальневосточного комитета партии Ивана Александровича Плеханова, участника «партизанской борьбы с меркуловской реакцией в Хабаровском районе»¹. Забрали еще десяток ссыльных эсеров, «минусников» и уже отбывших высылку. Аресты продолжались всю осень не только в Ташкенте, но и в Самарканде, Алма-Ате, Фрунзе, Казани, Москве и Ленинграде. Так началось дело, которое по приказу полпреда ОГПУ в Средней Азии Бутенко получило название «Реставрация». Операции ОГПУ в Ташкенте предшествовали аресты в Москве. Еще 21 июня 1930 г. взяли бывших эсеров С.А. Кудрявцева, В.П. Чижова, Ю.Н. Максимова, вместе отбывавших еще в царское время ссылку в Нарыме, а заодно и некоторых их соседей. Все они вышли из партии в 1920–1921 гг., но имели неосторожность примерно с 1928 г. встречаться в доме, построенном на Большой Почтовой улице для бывших политкаторжан, где за чаем вели разговоры в том числе и на политические темы. Бывали в доме и приезжие – из Ленинграда, Уфы, Казани, Ташкента. В общем, с точки зрения спецслужб, везде видевших заговор, – явный центр оппозиции. ОГПУ поначалу объявило арестованных эсеровской группой «Независимые».

Один из арестованных Максимов сообщил, как сам был в Алма-Ате и общался с сыном лидера ПСР В.М. Чернова – Борисом, припомнил, что из Ташкента проездом из Москвы на родину был один из тамошних ссыльных – член ПСР с 1905 г. Георгий Лукьянчиков, по кличке «Дед». Может быть, отсюда и потянулась ниточка в Ташкент – к ссыльным эсерам, которых и арестовали через полтора месяца. Хотя есть и другая версия, которой придерживалось следствие в обвинительном заключении: нарымчане попали под надзор после сообщений о поездке из эмиграции в Москву эсера, редактора пражского журнала «Воля России» В.И. Лебедева.

Нелегальную поездку Лебедева в СССР в августе 1929 г. некоторые из современников (С.С. Маслов) считали мифом²: заметки, опубликованные в журнале «Воля России»³, носили очень уж общий характер. Другие (М. Вишняк) верили, что Лебедев в Москве побывал⁴. Обращает на себя внимание фраза из обвинительного заключения на члена ПСР с 1914 г. Чижова: «По агентурным данным он знал о пребывании в СССР нелегально приехавшего из-за границы члена заграничной делегации ПСР – Лебедева и о партийных связях последнего»⁵. Публикация репортажа привлекла внимание ОГПУ: искали пособников. Видимо, ими и хотели признать Кудрявцева, Чижова и их друзей.

В Ташкенте в руки сотрудников ОГПУ попали важные документы, в частности, вариант новой платформы ПСР. Об их существовании историкам до сих пор не было известно, хотя общая библиография по истории партии насчитывает до 800 работ русскоязычных и зарубежных авторов. В них подробно рассмотрен период 1901–1922 гг.⁶, тщательно освещена деятельность партии во время Гражданской войны. Менее изучен период полулегального существования ПСР в Советской России в 1920–1922 гг., отраженный, например, в биографии лидера ПСР Чернова⁷. В сборнике «Партия социалистов-революционеров» опубликованы буквально единичные документы⁸. Судьбе эсеров центра России посвящены труды Г.А. Салтык⁹ и А.И. Юрьева¹⁰. Период деятельности

* Соколов Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, обозреватель Московского бюро «Радио Свобода».

ПСР после окончания процесса 1922 г. над руководством партии исследован в работах М. Янсена¹¹ и К.Н. Морозова¹². Но дальнейшая история эсеров в Советской России с 1923–1924 гг. пока остается почти что «белым пятном» из-за закрытости архивов советских спецслужб. Монография Д.П. Павлова¹³, опирающаяся на материалы Президентского архива и Центрального архива ФСБ РФ, оканчивается арестом Центрального Бюро ПСР в 1924–1925 гг.

После ареста осенью 1923 г. Бориса Чернова и его единомышленников из вузов Ленинграда и разгрома в Москве в конце 1924 г. ЦБ ПСР историк Е.Е. Колосов создал в Ленинграде новое ЦБ, опиравшееся на партийные организации на Обуховском заводе, в пединституте им. Крупской, в Колпине, Царицыне, Краснодаре, Череповце. Через «окно» на границе из Финляндии доставлялась литература, шла двусторонняя переписка с Прагой. Организация под руководством Колосова, И.Г. Фукова, И.Г. Каменского, Е.Н. Еременко-Орлова была разоблачена ОГПУ в начале мая 1925 г.¹⁴ До 20 активных эсеров получили от 3 лет политизолятора (Колосов) до 2–3 лет ссылки¹⁵. Согласно общепринятой точке зрения арест последнего состава ЦБ ПСР во главе с Колосовым признается концом политической истории ПСР в СССР, далее речь идет уже о судьбе той части партии, которая оказалась в эмиграции¹⁶;

Между тем значительная часть репрессированных большевиками эсеров не считала свою деятельность завершенной после ареста. В изученных автором протоколах допросов, относящихся к 1930 г., многие находившиеся в ссылке и вновь арестованные твердо называли себя членами ПСР или сообщали, что разделяют ее платформу. Из мемуаров члена этой партии Е.Л. Олицкой известно, что до начала 1930-х гг. и в подполье, и в концлагерях и политизоляторах, и в ссылке эсеры пытались вести политическую борьбу¹⁷. Конечно, ее трудно назвать нормальной партийной деятельностью, однако не стоит и игнорировать этот требовавший немало мужества процесс сопротивления большевистской диктатуре. Знание о нем расширяет наше представление и об уничтоженной альтернативе сталинизму, и о попытках сторонников идей демократического социализма противостоять режиму, перерождавшемуся из авторитарного в тоталитарный.

Автор поставил задачу раскрыть содержание внутрипартийной дискуссии среди ссыльных эсеров, показать изменение их взглядов, реакцию на переход сталинского режима к политике «Большого скачка» за счет ограбления деревни, наконец, проследить эволюцию взглядов у тех эсеров, которые находились в этот же период в эмиграции, и сравнить ее с позицией их единомышленников внутри страны.

В 1930 г. чекистам повезло: во время обыска у сотрудника ташкентской конторы «Союзхлопка» И.А. Плеханова в руки сотрудников ОГПУ попали наброски текста платформы ПСР, уже полгода обсуждавшейся в группе ссыльных, а также краткие записи Плеханова о ходе дискуссий. «Произведенным обыском в ночь на 6 сентября 1930 года в Ташкенте у Плеханова обнаружены партийные эсеровские документы: 1) партийная платформа ПСР, 2) письмо обращение “Ко всем членам ПСР, принимающим участие в обсуждении партийной платформы”, 3) краткое изложение оценки положения СССР, перспектив дальнейшего развития и взглядов на партийную эс-эровскую работу членов ЦК ПСР, отбывающих ссылку и минусы в Самарканде – Ратнер Е.М. и Иванова Н.Н., а также Стружинского А.П., Сорокина-Ковалева Ф.Д. и Иваницкого-Василенко А.А., 4) начало первой части очерка “Большевизм его программа и тактика”, с предисловием автора и др[угие] партийные документы, в том числе конспект несостоявшегося доклада Плеханова на активе ПСР о результатах его поездки в Самарканд для переговоров с членами ЦК и активом ПСР о партийной работе»¹⁸. Плеханов пытался предупредить коллег. Одну записку, видимо, перехватили: «СО ПП ОГПУ в Ср[едней] Азии... сообщает, что 18 сентября с[его]/г[ода] Плеханов из своей камеры передал Колосову Е.Е. следующее: “Я засыпался”. “Держись крепко – автор я один”. “Я изолирован”»¹⁹.

Ссыльные эсеры решили заняться обновлением программы, так как ПСР на тот момент руководствовалась документом 1905 г. и платформами, регулярно обновлявшимися на советах партии. Последний X Совет прошел в 1921 г. В резолюции «По

текущему моменту» (1921) эсеры критиковали большевиков слева²⁰, считая, что союз «коммунистической власти» с хищнической буржуазией против трудящихся избран, как требующий («из-за слабости отечественной буржуазии») меньших политических уступок, чем коалиция с иными социалистами. В то же время в «Тезисах по экономической политике» X Совета партии не отвергалось участие отечественных и иностранных предпринимателей в восстановлении страны, хотя и отмечалось, что «при организации промышленности партия отдает преимущество государственным и общественным формам перед частнокапиталистическими»²¹. В политической резолюции X Совета ПСР указывалось, с одной стороны, на «утопичность надежд на постепенное перерождение диктаторской власти в формы демократической государственности», с другой — на «полную безнадежность реставрационных замыслов генеральск[ой] контрреволюции», и предлагалось занять позицию «третьей силы», которая «одна только способна вывести революцию на торный путь и обеспечить торжество начал полного народовластия»²². В качестве ближайшей ставилась задача «организации активных сил города и деревни и идейной кристаллизации широких масс трудящихся классов». Партия должна была выдвигать лозунг «последовательной системы народовластия» и «строго отмежевываться от всех элементов справа, отказаться от какой-либо, хотя бы временной, хотя бы тактической коалиции с буржуазией». Этой платформы представители ПСР в России придерживались и в дальнейшем. Так, 4 февраля 1922 г. ЦБ ПСР объявило, что своими выступлениями за коалицию с левыми кадетами, расхоронившимися с установленной X Советом партии позицией, «поставил себя вне рядов партии социалистов-революционеров С.С. Маслов»²³ (будущий создатель партии «Крестьянская Россия»).

1922 г. прошел для партии в борьбе за спасение преданных суду в Москве членов ЦК ПСР и в разоблачении большевистского террора. Как отмечал С.П. Постников в статье «Очередные вопросы», основными принципами партии оставались: «Полная непримиримость с диктатурой большевиков и ясное сознание невозможности какого-либо соглашения с ними. Борьба за демократию и, в частности, за народовластие — в его чистой форме, т.е. за Учредительное собрание. Ясное сознание тактической непригодности для настоящего времени в России коалиции социалистических и демократических элементов с буржуазными партиями, и, в частности, с кадетской партией. Единый международный фронт с социалистами, но не с коммунистами»²⁴. Впрочем, В.В. Сухомлин считал, что «социалисты могут быть поставлены в необходимость... вступать в соглашения с другими партиями, если они не имеют прочного большинства в народе»²⁵. В другой статье он объяснял: «Можно сказать, что эсерам нечего гнаться за коалицией во что бы то ни стало, что в период борьбы с большевизмом коалиции до сих пор приносили один только вред, что в будущем возможно образование в России коалиционной власти, если будет налицо сильная демократическая республиканская партия и если не восторжествует буржуазная реакция»²⁶.

На Берлинском совещании ПСР в декабре 1923 г. критически по отношению к левым высказался парижанин, бывший московский городской голова В.В. Руднев, указывавший на то, что «требования обобществления основных отраслей промышленности не соответствуют потребностям русского народного хозяйства». По его мнению, ПСР должна была бороться «не против восстановления капитализма», а «лишь против наиболее хищнических, нездоровых и эксплуататорских форм и тенденций его». Руднев выступил за денационализацию, свободу частно-хозяйственной деятельности и привлечение иностранного капитала. Противостоявшие ему Е.А. Сталинский и В.М. Чернов предлагали «ставить пределы» политике «назад к капитализму», выступали за социализацию, сохранение в руках государства «ключей к национальному производству» — земли, недр, водных сил, и пр. Они резко отмежевались от «правого ревизионизма» Руднева²⁷.

Выступавший с докладом по политическим вопросам представитель правого крыла Н.Д. Авксентьев предполагал, что, «отступая в экономической области, правящая группа не должна сделать коренных уступок в области политики». Он делал вывод, что конфликт между властью и страной должен быть «решен лишь путем насильственного

устранения правящей группы, лишь путем ее свержения»²⁸. Веря в то, что новые силы нэпа будут добиваться режима демократии, он не исключал попыток реставрационных и реакционных, но в то же время указывал, что ПСР следует проводить идею необходимости и неизбежности борьбы всеми методами, под лозунгом «Демократическая республика через Учредительное собрание»²⁹. Также Авксентьев предлагал широкую коалицию: «вступать во взаимодействие и связь с другими социалистическими и несоциалистическими группировками для общих или согласованных действий»³⁰.

Напротив, лидер ПСР Чернов предлагал большевикам компромисс, от которого, он был уверен, они откажутся. Он заявил, что ПСР «революцию ради революции не предпочитала мирным способам действия» и, «в случае согласия большевистской власти отбросить систему партийного террора и устроить всеобщие свободные перевыборы в советы», считал необходимым «идти дальше к Учредительному собранию через советы»³¹. По вопросу коалиции лидер партии выступил за единство всего «социалистического, рабочего, трудового фронта». Только после его создания он допускал «не противоречащие сохранению этого единства формы согласования действий с передовыми элементами несоциалистической демократии, если они к тому времени будут реальной организованной и действующей в России силой»³². Под нажимом Чернова коалиция с несоциалистическими силами была отвергнута. Парижские правые эсеры не вошли в созданный в 1924 г. П.Н. Милюковым и С.С. Масловым Республиканско-демократический союз.

Ведущий публицист «Воли России» М.Л. Слоним в статье «Наши разногласия» писал о «правых» в ПСР, что они мыслят старыми формулами февраля и марта 1917 г., не замечая, что жизнь ушла далеко вперед, и что «помимо большевизма за большевистским фасадом живет и развивается новая Россия». Они, по словам публициста, переоценивали значение эмиграции и потому склонны были «рассматривать себя если не как руководящие круги партии, то, во всяком случае, как коллектив, равноценный партийному коллективу в России ... “Левые” – партийцы, желающие тесной связи с существующими в России организациями и придающие гораздо большее значение настроениям эсеров в России, чем за рубежом, – отмечал он. – “Левые”, восставая против всякого сепаратизма действий, требуют, чтобы тактика отдельных групп за границей соответствовала общей линии партии, и считают, что основные директивы должны идти с родины – роль же эмиграции – второстепенная и подсобная...». «“Правые” считают неизбежным, – писал Слоним, – насильственное падение большевизма, полное насаждение капиталистического строя в России и необходимость “сложения сил” для внациональной работы вместе с буржуазией, которой предстоит сыграть прогрессивную роль в будущем строительстве России. “Левые”, оставаясь на прежней непримиримой позиции по отношению к большевизму, не предугадывают форм будущей его ликвидации, и настаивают не только на собирании и организации сил, но и на участии во всех органах и учреждениях, где за большевистской декорацией идет живая жизнь». «Крестьянство, рабочие и нарождающаяся новая интеллигенция... – вот основные силы грядущей России, – утверждал он. – Партия социалистов-революционеров должна стремиться к организации этих сил, а не заниматься поисками случайных и ненадежных попутчиков из чужой ей среды»³³. С точки зрения Слонима, «правые» ставили на «капитализм», а «левые» верили в прочность нэповской конструкции, не ожидая укрепления тоталитаризма и второй антикрестьянской революции большевиков.

Так, уже в 1923 г. в ПСР выявилось наличие как минимум двух конкурирующих платформ: правой – близкой к европейской социал-демократии и левой – народнической. В течение 1920-х гг. эти платформы дрейфовали друг от друга все дальше и дальше, а в них появлялись новые трещины. Об этих тенденциях, в общем, было известно и в СССР, так как советская печать неоднократно критиковала эсеров-эмигрантов как пособников буржуазии, причем наиболее активно – правое «ревизионистское» крыло. Именно на советские публикации как источник знаний о позиции эмигрантской части ПСР и ссылались арестованные в Ташкенте. Естественным было их желание предложить находившимся в эмиграции лидерам партии свой взгляд на события – из СССР.

Бумаги, которые нашли у Ивана Плеханова, дали чекистам важный след. Оказалось, что Плеханов в конце 1929 г. ездил в Самарканд в командировку, встречался с двумя членами ЦК ПСР – Николаем Николаевичем Ивановым и Евгенией Моисеевной Ратнер, и с другими видными партийцами. Все они поддержали идею новой программы. Александр Павлович Стружинский указывал: «надо дать объективный анализ: как держатся большевики, почему они хозяева, почему у них промышленность»³⁴. Е.М. Ратнер отмечала необходимость учесть происходившее в мире: «После того как были писаны книги Чернова и Отто Бауэра, произошло очень много. Имеются факты, в частности, американские, о том, что в хоз[яйственной] жизни имеется уже очень много социалистического (крупное с[ельское] х[озяйство], организованный капитализм, планирование трестовского хозяйства, регулирование хозяйства вообще)»³⁵. Иванов отстаивал автаркию: «Монополия внешней торговли необходима, без нее полетит вверх тормашкой финансовая система», утверждая, что большевизм – бюрократизм, а фашизм – «реакция на большевизм»³⁶, подчеркивал риск распада СССР: «Сложность национального вопроса, федерация, опасность отложения»³⁷. Александр Александрович Иваницкий-Василенко полагал, что соц[иальной] базой большевизма являлась бюрократия; страна, по его мнению, находилась «накануне хозяйственного краха», и он предрекал распад системы: «возможные концы: антоновщина, дворцовый переворот, война, конец, контрреволюция»³⁸. Результатом всего этого ему виделась «политическая реакция, погромы». Но наступления реакции Иваницкий-Василенко призывал не бояться: «Нет того строя, который хуже большевизма, поэтому ничего не страшно; ...Реакция пройдет»³⁹. При этом он стоял на достаточно левых позициях, указывая: «Я в развитие капитализма не верю», «на пути коллективизации нам предстоит завоевывать доверие»⁴⁰, т.е. выступал за сохранение части сделанного коммунистами, отстаивая, по-видимому, ранний вариант нэпа: «Децентрализация хоз[яйства], соревнование общественного и частного сектора;... Оптимизм в возможности привлечения частного капитала из заграницы»⁴¹.

Напротив, член ЦБ партии Федор Дмитриевич Сорокин-Ковалев стоял на правых позициях: «Программу надо пересматривать, в частности, уступки в социализации земли. Уступки в монополии торговли... Особенно: право крестьянства на плоды своего труда; свобода труда». Он исходил из того, что «социализм – дискредитирован, надо быть осторожным с его принципами»⁴². После своего ареста 17 сентября 1930 г. Сорокин-Ковалев доказывал, что политической работой не занимался: «Мне предъявляют обвинения в организационной работе по созданию партийного центра и в организации партии вообще. Я заявляю, что все эти обвинения не имеют под собой почвы ни на одну йоту. Я старый революционер и много в прошлом работавший на этом поприще, чего, конечно, не отрицаю. Но теперь после 6 лет и 5 месяцев заключения, заключения непрерывного, из которого 3 года мне пришлось провести в Соловецком концлагере ОГПУ в таких условиях, что при одном воспоминании об этом волосы дыбом становятся: там я за три года пережил 133 дня голодовок, да по дороге сюда в Москву – 13. Итого 146. Из них одна была в 43 дня, потом в 25, в 34 и в 12, из которых последние 7 суток с половиной я не принимал и воды (остальные голодовки были непродолжительны). Эти пребывания в режиме голодовки, ясно, подорвали мой организм донельзя... А главное, если бы я имел в виду заняться политической деятельностью, то зачем же мне было тащить сюда свою семью? Только в сентябре ко мне приехала жена и по моему настоянию... Ясное дело, если б я имел в виду эту работу, я бы оставил на всякий случай семью в покое. А поэтому, зная, что за мной такого рода деятельности нет, то считаю, что тут или какое-то недоразумение в моем аресте, или опять начинается со мной, как это было в Соловках, ни за что, ни про что расправа»⁴³.

Бывший член ЦБ ПСР Колосов сообщил следствию, что впервые будет давать показания, чтобы доказать, что не участвовал в проекте восстановления работы партии: «Я не желаю по принципиальным мотивам нести политическую ответственность за то, что я не делал и делать чего по характеру своего умонастроения в данный момент не мог»⁴⁴. Он посчитал, что агентом ОГПУ, его оклеветавшим, был неоднократно захо-

дивший к нему эсер врач Андрей Дониц. Его он открыто назвал «информатором» органов⁴⁵. Отсидев пять лет в политизоляторе, Колосов, видимо, понимал, что все вокруг пронизано провокацией, но к его несчастью для ОГПУ даже самоорганизация ссыльных была преступлением.

Секретные агенты ОГПУ сообщали, что ссыльные Колосов, Штерн, Михайлов, Кривчик, Плеханов, Флегонтов и Фонштейн в январе 1930 г. создали эсеровскую «колонию», чьей задачей является «моральная и материальная поддержка членов партии, сохранение достоинства партийных знамен, защита интересов каждого члена колонии, организованные совместные действия против ГПУ, в вопросах, связанных с пребыванием с.р. в ссылке, оказание материальной помощи другим колониям ссыльных»⁴⁶. 6 марта 1930 г. на нелегальном собрании в квартире Флегонтова были «объявлены результаты тайного голосования (путем записок) кандидатов в бюро колонии. Выбранными оказались: Колосов, Флегонтов и Штерн – членами бюро, а Кривчик – кандидатом в члены бюро. На этом же собрании обсуждался вопрос о поведении цекистов Ратнер и Иванова, отбывающих ссылку в Самарканде. По данным Самаркандской колонии, эти лица обвинялись в непартийном поведении, выразившемся в их сотрудничестве в коммунистической прессе. Собрание большинством голосов вынесло постановление, осуждающее сотрудничество в коммунистической прессе, о чем Колосову поручено довести до сведения Самаркандской колонии»⁴⁷. С точки зрения ОГПУ это уже была подпольная организация.

Параллельно созданию «колонии» часть эсеров занималась платформой ПСР, о чем и сообщал информатор ОГПУ: «7.II–30 г. на нелегальном собрании в квартире Флегонтова, на котором присутствовали Флегонтов, Беднякова, Кривчик, Плеханов, Штерн и Фонштейн, была подвергнута обсуждению платформа ПСР... 14.III–30 г. на нелегальном собрании фракции в квартире Кривчика в присутствии тех же лиц производилась читка всей платформы. На собрании наметились некоторые разногласия, в частности, Четкин высказывался против выдвинутого положения авторов платформы по вопросу трактовки “демократии”, Колосов возражал против исключения автором платформы старого лозунга партии “Учредительное собрание” и высказал мысль о том, что и сейчас в вопросе объединения масс в борьбе с большевиками ПСР должна идти под этим лозунгом. В связи с наметившимися разногласиями решено с платформой ознакомиться подробно каждому в отдельности, а после развернуть широкие прения... 21.V–30 г. на собрании фракции ввиду невозможности (при наличии только оригинала) ознакомиться с платформой всем членам фракции решено выбрать авторитетную комиссию, которой поручить тщательно прорабатывать платформу, и в обработанном виде доложить собранию фракции. В эту комиссию выбранными оказались: Колосов, Штерн и Кривчик. В комиссию как автор платформы входил Плеханов... 29.V–30 г. комиссия (Колосов, Штерн, Кривчик и Плеханов) в присутствии эсеров Фонштейна и Михайлова на нелегальном собрании в квартире Штерна наметила план проработки платформы... 3.VII с.г. на заседании комиссии платформа признается приемлемой»⁴⁸.

К сожалению, полностью текст Ташкентской платформы ПСР не сохранился. В уголовном деле отсутствуют 1-я и 2-я главы («Критика большевизма» и «Сущность революционного социализма»), которые лишь пересказаны в первом варианте обвинительного заключения. 3-я глава «Пути преодоления большевизма» сохранилась полностью. Имеется пересказ ее и в обвинительном заключении. Сравнение текста оригинала 3 главы платформы и ее пересказа в обвинительном заключении показывает, что он достаточно корректно передает (хотя и с использованием специфической терминологии ОГПУ) все ее основные тезисы. Это дало мне возможность при реконструкции 1 и 2 частей платформы ПСР опереться на тексты обвинительного заключения и имеющих в деле обращений: «К членам ПСР, принимающим участие в обсуждении партийной платформы» и «К партийным товарищам», в которых воспроизводится часть тезисов платформы.

В первом обращении авторы констатировали рост недовольства тем курсом, которым сталинская ВКП(б) вела СССР по пути форсированной индустриализации и кол-

лективизации, сопровождавшихся обнищанием народа и массовыми репрессиями: «За последние годы и особенно сейчас в глубинах народной жизни происходит процесс активизации, становящийся фактом огромного политического значения. Правда, этот процесс протекал и сейчас протекает замедленно и извращенно, благодаря организационному разоружению трудящихся и отсутствию какой бы то ни было правовой возможности для самоорганизации широких масс. В то же время в недрах советской системы растут и крепнут реставраторские силы, для формирования которых довольно одной мимикрии советской лояльности, и нет необходимости в широком створе в деталях, в громоздких массовых организациях, так как отрицательная программа контрреволюции – свержение большевизма и ликвидация революции – не нуждается в такого рода широких организациях, в массовой пропаганде и агитации по определенной, заранее установленной системе воззрений. ... Положение социально-революционной партии осложняется еще более тем, что одновременно с формированием буржуазно-монархической реакции, прикрывающейся различными националистическими и религиозно-мистическими масками, идет формирование и буржуазно-демократической контрреволюции под флагом крестьянских интересов и республиканско-демократических идей, прикрывающихся иногда и масками отступников от социализма, вводящими в заблуждение некоторую политически наименее сознательную часть издерганных большевизмом крестьян и интеллигенции, а может быть, и рабочих»⁴⁹. В документе под названием «К партийным товарищам» повторялись основные идеи из этого обращения. Как видим, авторы платформы продолжали стоять на позициях X Совета ПСР 1921 г., отвергая блокирование с другими антикоммунистами, считая их соперниками в борьбе за власть. «Это обстоятельство, – делали они вывод, – диктует революционному социализму необходимость поспешить с возобновлением массовой работы, чтобы обогнать в формировании своих сил силы контрреволюции и сделаться решающим фактором в развертываемом движении, дав последнему возможно более отчетливую программу и выработав его тактику как социально-трудового движения за охрану и дальнейшее продвижение к социализму всех результатов великой русской революции»⁵⁰.

Платформа ПСР начиналась с главы «Критика большевизма», включавшей следующие разделы: «а) общая характеристика, б) организация хозяйства и экономическая политика, в) культурное строительство и г) государственное устройство и роль массовых организаций»⁵¹. В этой главе, констатировало следствие: «А) Большевизм рассматривается последовательным учением ортодоксального марксизма, доведшего до логического конца однобокую доктрину индустриального, антидеревенского, централистически-опекунского социализма. Б) Хозяйственная система Советского Союза рассматривается как госкапитализм с бюрократизированным аппаратом и приравнивается к буржуазно-капиталистической системе. В) Экономическая политика рассматривается как антидеревенская, благодаря которой под маркой социалистических завоеваний всемерно перекачиваются средства из сельскохозяйственного сектора в промышленный. Последний искусственно расширяется в целях превращения деревни в колониальный придаток городу. Рационализация развивается как неограниченная эксплуатация рабочего класса. Соцсоревнование рассматривается как шумиха, которая благодаря удушению массового творчества способна лишь скомпрометировать идею таковой. Устройство совхозов расценивается как неудачная попытка к затрате государственных средств. Совхозам противопоставляется выгода введения единоличного хозяйства в деревне. Контрактация рассматривается как принудительная зависимость крестьянства от госпримысленности и отождествляется с эксплуатацией крестьянства эпохи торгового капитализма. Массовое добровольное вступление крестьян в колхозы расценивается как порыв измученных налогами, тюрьмами и ссылками крестьян, не видящих выхода из создавшегося положения и пошедших на удочку власти, обещающей разные льготы и хозяйственное благополучие. Оправдывается борьба с властью той части деревни, которая оказывает открытое сопротивление, не идя на путь самоликвидации (кулачество). Г) Внешняя экономполитика рассматривается как поражение России на мировом рынке, что привело большевизм к хозяйственной самоизоляции.

Превращенный внешний товарообмен в казенную монопольную торговлю фактически построен советской властью в целях принудительного отбирания продукции у крестьянства по баснословно низким ценам и обирание как такового на увеличенных ценах промышленной продукции. Д) Культурное строительство рассматривается как принудительное превращение науки и искусства в политграмоту, а большевизм – в философию великого инквизитора. Осуждается классовый подход для учащихся, писателей, профессоров и служителей искусства. Е) Государственное устройство рассматривается как ничем не ограниченный произвол. Под диктатурой пролетариата разумеется диктатура Политбюро ВКП(б). Советская конституция построена на хитрости, обчитывающей трудовое крестьянство, которое в избирательных правах урезано, и право голоса его сведено к одной трети голосов по отношению к городскому населению. Открытое голосование считается подтасовкой в целях проведения в госорганы кандидатов, навязываемых компартией. Профсоюзы и другие общественные организации рассматриваются как придаток к партийному аппарату: «Не массы через свои организации участвуют в общественной жизни, а власть через свои массовые организации действует на население. Не массы выбирают власть, а власть избирает через своих агентов отдельных лиц и действует через них на массы». Демократия и либеральность считаются сданными в архив Октябрьской революции. Малейшее нарушение запретного ведет к неограниченному государственному наказанию (тюрьмы, застенки, ссылки и т.д.)... ПСР, считая себя «загнанным в подполье, измученным репрессиями и организационно ослабленным российским отрядом международной социалистической армии», находит необходимым: «Развить максимум энергии, вмешаться в начавшийся процесс активизации масс, восстановить разрушенные репрессиями организации, пополнить, обновить и укрепить свой состав притоком новых сил, а затем возглавить движение, дав ему идеологию, программу и выработать его тактику, противопоставив большевистской политике»⁵².

Глава «Сущность революционного социализма» состояла из разделов: «а) общая характеристика, б) организация хозяйства и экономическая политика, в) культурное строительство и г) государственное устройство и роль массовых организаций»⁵³. Плеханов и его единомышленники констатировали, что в мире идет процесс трансформации капитализма. Такое положение характеризовалось ими как «великий переходный период»: «Капитализм в его классической форме все более и более отходит в историческое прошлое, а социалистическое преобразованное общество еще находится на значительном историческом расстоянии, когда трудовым классам предостоят и великие классовые битвы, и длительная напряженная борьба, требующая огромной энергии, выдержки и организованного единства. Идеал революционного социализма заключается не столько в конкретной задаче достижения в ближайшую историческую эпоху государственного и хозяйственного строя, сколько в создании условий для безостановочного движения к возможно полному воплощению в жизнь истины, справедливости и красоты»⁵⁴.

Следствие указывало, что «ПСР на смену существующему общественно-политическому и экономическому строю противопоставляет следующее: А) Вместо национализации народного хозяйства – социализация и муниципализация. Управление народным хозяйством мыслится на паритетных началах кооперативными и государственными организациями, с привлечением в хозяйственное строительство частного и иностранного капитала. Полное уравнивание промышленности и [сельского] хозяйства и одинаковое распределение между этими отраслями хозяйства средств из бюджета и кредитных фондов... Категорически отвергая коллективизацию в том виде, как она проводится соввластью и ставя перед собой задачу организовать массы, не вошедшие в колхозы, против этой коллективизации, ПСР признает необходимым обобществление единоличных крестьянских хозяйств на основе самоинициативы крестьянства без вмешательства органов власти. Начальным видом считается «супряга» и «простое машинное товарищество»... В целях хозяйственного сотрудничества на мировом рынке ПСР намечает упразднение автаркии и расширение товарообмена с иностранными

государствами путем упразднения таможенных барьеров, запретительных пошлин и всякого рода заградительных мер. Б) В области культурного строительства ПСР, отвергая доминирующее положение экономики в общественном переустройстве, выдвигает на арену радикальную духовную реконструкцию человеческой личности, являющейся основным фактором в социалистическом преобразовании общественной жизни. Практически ПСР выдвигает внеклассовое построение ВУЗов, средних и низших школ, а также предоставление научным работникам, писателям и служителям искусства свободного права самоорганизации и независимости от государства. В) В области государственного устройства ПСР непоколебимо стоит на прежних позициях “народовластия” и полной развернутой “демократии”. Централизованной системе управления противопоставляется децентрализованная федерация с перенесением тяжести работы в органы самоуправления и на организованные массы. Предоставляется право деятельности в государственных и общественных организациях всем политическим партиям и группам. Свобода слова, печати, партийные выборы, неприкосновенность личности, независимость суда, прекращение внесудебных арестов, административных ссылок и т.п. за политическую неблагонадежность⁵⁵. Для обеспечения этого ПСР считала необходимым покончить с «кошмаром русской жизни – чрезвычайкой...»⁵⁶. В тесной связи с ПСР предлагалось организовать Крестьянский союз, который «создается из трудового крестьянства и не допускает в свои организации нетрудовые элементы деревни». Он «должен действовать в союзе с ПСР, допускать свободную пропаганду идей ПСР среди членов союза и содействовать доступу партии в широкие круги трудового крестьянства»⁵⁷.

В 3-м разделе платформы ПСР, по данным следствия, указывалось: «Нельзя забывать, что как сама социальная сущность большевизма, так и вся структура социальной жизни, характер и соотношение социальных сил представляют собою совершенно иную картину, чем русская монархия. ...Совершенно иная социальная среда, совершенно иная природа противника, совершенно иные психологические перспективы делают иной и стратегическую задачу, требующую, в свою очередь, и иных путей для своего разрешения... ПСР признает, что за забвение этой истины русская социалистическая демократия (эсеры и меньшевики) поплатились поражением на берегах Волги и в Сибири (Чехословакии, Колчак и т.п.)».

Базой для своей деятельности ПСР считала крестьянство и рабочий класс: «ПСР считает, что крестьянство в данную эпоху вполне подготовлено к отрицанию большевизма. Отрицательным явлением считается то, что крестьянство в данное время, благодаря большевистской политике в деревне и благодаря утере влияния ПСР, склонно к реставраторскому пути. Основной задачей для крестьянства считается его организация в такие объединения, которые приучили бы мужика действовать не только с ближайшим соседом, но и с трудящимися города. Удерживать крестьянство от неорганизованных выступлений, террористических актов, которые признаются вредными для движения». Авторы считали, что «город меньше реагирует и ближе стоит к большевистской политике... Поэтому воспитание членов ПСР, работающих в городе, должно быть направлено в первую очередь на внедрение негативной части платформы, на дискредитацию большевистской политики в деревне, на перспективы голода и необходимость поддержать деревню в ее борьбе с большевистской коллективизацией»⁵⁸.

Следствие утверждало, что эсеры считали своей конечной целью массовое вооруженное восстание против советской власти, однако, как отмечалось в материалах дела, «ПСР находит, что этому должен предшествовать период кропотливой подготовительной пропагандистско-организационной и агитационной работы, как в нелегальной, так и в легальной формах... Единоличная пропаганда и агитация, введение членов организации и им сочувствующих во всевозможные общественные организации и советы, союзы, конференции из беспартийных рабочих и крестьян, организация крестьянских союзов, неподчинение местных организаций большевистским распоряжениям, создание независимой фракции в профсоюзах, советах, кооперации, Союзах молодежи, стачки, демонстрации, другие массовые выступления»⁵⁹.

Ссылные эсеры указывали, что их партия должна «выступать против большевизма в качестве социально-революционной, а отнюдь не консервативной силы, и рассчитывать на сохранение максимума завоеваний и продолжения преобразовательной социалистической работы при сочувствии и поддержке мирового социализма». Однако она не может увлекаться «вреднейшей затеей – построением социализма в одной стране, пока что находящейся в буржуазном окружении»⁶⁰. Идея единомышленников Ивана Плеханова состояла в том, чтобы оставаться революционной партией: вернуть трудящимся массам России всю сумму «общественной власти, выхваченной у них одной из пролетарских партий, превратившейся сейчас в бюрократическую организацию, лишь прикрывающуюся именем рабочего класса»⁶¹. Но ими указывалось, что «при легкомысленном увлечении революционной утопией П.С.Р. встала бы подобно большевизму на авантюристический путь, втянула Россию на революционную Голгофу, спровоцировав против себя выступление всех эксплуататорских классов мира, еще не ослабленных социальными выступлениями трудящихся своих стран, технически лучше вооруженных, при неизбежном в этом случае поражении русской революции с жесточайшей расправой победителей и с глубочайшей реакцией на мировой арене... Она ликвидировала бы своими руками единственный пример революционной ликвидации капитализма, что может оказать огромное социально-психологическое влияние на все мировое социалистическое движение, если на смену большевизму в качестве руководящей политической силы придет российская социально-революционная партия. Ее приход к власти и показательный пример революционно творческих путей преодоления капитализма, хозяйственного и социально-культурного строительства при демократическом самоуправлении и самодетельности трудящихся масс несомненно ускорит процесс активизации и революционизирования мирового социализма»⁶². Предлагавшиеся ПСР лозунги характерны для конкурентов ВКП(б) в борьбе за другой социализм: «Надо вывести Россию на столбовую дорогу, идущую к социализму, добиться компрометации большевизма в сознании трудящихся как идеологии, программы и тактики, вредной для социализма, оторвать массы от большевистской колесницы, направить их против большевиков за власть трудового большинства, подвести это трудовое большинство к власти, затем, чтобы двигаться к социализму, устраняя всяческие препятствия со стороны реставраторских сил»⁶³.

Знание *реальных* настроений в советском обществе, массовой ненависти к большевикам вызывало у эсеров страх правой опасности, буржуазной реставрации. У новых идеологов ПСР он был чуть ли не больше неприятия реальной тоталитарной большевистской диктатуры. Авторы платформы и в 1930 г. наивно называли сталинцев заблудшими членами общего социалистического движения: «Так как тяжба социалистической демократии с большевизмом – это борьба за преобладание внутри трудящихся, борьба за наиболее правильные пути к социализму, “семейный спор” внутри трудящихся, то втягивать или допускать в эту борьбу буржуазные силы – значит путать карты у борющихся масс, давать возможность укрепляться врагу, который в любой момент захочет ликвидации и социалистических сил, как сил не менее, а еще более для него опасных. Всем памятно выступление члена Ц.К. кадетской партии, который, сравнивая две силы – большевиков и с.р. – по их лидерам Ленину и Чернову, находил, что последний тоже большевик, лишь более хитрый и опасный. При существующей ситуации трудовые массы должны быть в процессе борьбы еще более бдительны и насторожены по отношению к этим социальным группам и в каждый момент должны быть готовы к решительному отпору всех их вождельний и притязаний. Борьба должна развертываться таким образом, чтобы эти группы все время находились на почтительном расстоянии, были изолированы, не могли примазаться к движению. Массы должны быть научены распознаванию волков, хотя бы они и пытались одеть овечьи шкуры демократов. В координировании своих действий о блокировках, коалициях с ними в процессе борьбы не может быть и речи. Борющаяся с большевизмом социалистическая демократия должна быть готова к их немедленному разоружению, как только эти группы вздумают сформировать свои силы, она должна дискредитировать их, чтобы они не смогли

выступить в массы в качестве политически активной силы, пользующейся влиянием среди трудящихся»⁶⁴. Призрак контрреволюции парализовывал деятельность эсеров в СССР, делая их даже в теории неспособными к антитоталитарным коалициям. По-видимому, шок от Омских событий осени 1918 г. был столь силен, что и через 12 лет после колчаковского переворота социалисты не могли заставить себя даже в «переходный период», ради борьбы с диктатурой перейти на позиции широкой демократической коалиции, предпочитая вести «семейный спор» с большевиками.

В тексте платформы констатируются известные и по сводкам ОГПУ⁶⁵ массовые антикоммунистические настроения крестьян: «Большевистская политика в деревне к данному моменту настолько подготовила деревню к отрицанию большевизма, что голый негативный принцип освобождения от большевизма не требует в деревне никакого пропагандирования. Но эти негативные настроения деревни складываются по линии отрицания большевистского радикализма (коллективизации, рынок и т.п.), т.е. тех моментов, которые в голой негативной форме разделяются все же реставраторскими силами. Внедрение в мужицкое сознание нашей критики большевизма пойдет уже менее успешно. Пропаганда же положительной части нашей позиции имеет гораздо меньшую почву вследствие глубочайшей компрометации большевиками идеи социализма и свойственному деревне ультрареализму, слепому эмпиризму, с точки зрения которого наша положительная программа может показаться недостаточно реалистичной, слишком отвлеченной, не дающей конкретного для мужика непосредственного эффекта»⁶⁶. Авторы платформы 1930 г. признают, что, «выступая от имени пролетариата, большевики создали в деревне такое впечатление, что их политика – это политика города вообще, а не только большевистски-бюрократической его части. При отсутствии положительной народно-трудовой платформы, при наличии антигородских настроений это деревенское, исключительно негативное движение может быть временно эскортировано буржуазно-демократическими силами, особенно типа Маслова, Кондратьева, Милукова и Авксентьева»⁶⁷.

Эсеры видели привлекательность для крестьян несоциалистической демократической альтернативы: того, что приписывалось ОГПУ мифической ТКП Кондратьева-Чаянова, и того, что реально выдвигалось лидерами эмигрантских структур: «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии Маслова, Республиканско-демократического объединения Милукова, представителями крайне правого фланга ПСР из парижской группы «Современных записок», – и пытались предупредить именно этот тренд. Максимум, на что готовы были пойти эсеры, как отмечало следствие по делу ПСР, это на союз с меньшевиками и силами левее их: «При мобилизации масс в случае отсутствия достаточного влияния партии выдвигается идея единого фронта и допускается блокирование с другими “социалистическими партиями”, вплоть до оппозиции в ВКП(б)»⁶⁸.

В конце письма Плеханов и его единомышленники инструктировали группы ПСР и их сторонников о формах и методах проведения легальной и нелегальной работы⁶⁹.

Документов о том, как проходили обсуждения в Ташкенте, ОГПУ захватить не удалось. В доносе говорилось лишь о спорах по формулировке термина «демократия» и о своевременности использования лозунга «Учредительного собрания». Показаний тамошние эсеры не дали (Савва Россик, Александр Михайлов, Василий Карасев, Арон Зисман, Григорий Величанский, Николай Мухин и др.). Авраамий Фонштейн, отрицая свое участие в нелегальной группе, заявил, что «разделяет взгляды ПСР»⁷⁰. Студентка Евгения Колесникова также отказалась от показаний, ограничившись словами: «В общем, сочувствую партии социалистов-революционеров»⁷¹. Александр Гомзяков, Константин Которбай, Израиль Тавровский отрицали участие в организации, а Борис Тарасов «на вопросы политического характера отвечать отказался»⁷².

Но в деле есть подробные объяснения двух участников дискуссий в Самарканде. Так, слежкой было зафиксировано мнение ссыльного члена ЦБ ПСР А.А. Иваницкого-Василенко, который, как сообщал «агентурный источник ОГПУ», выступая перед эсерами Оранским, Терехиным, Смагиным, Андреевым, Сорокиным-Ковалевым, говорил:

«В России сейчас налицо переломный момент, за которым в ближайшее время должен последовать переворот; уничтожение советской власти. Выступление Керенского за границей вполне своевременно, т.к. в России в настоящее время такой разгул реакции, какого не было при царизме»⁷³. В то же время Иваницкий-Василенко отмечал: «Пока вести широкую организационную работу несвоевременно. Есть люди, которые следят за ходом событий и момента благоприятного не упустят»⁷⁴.

Члену ЦБ ПСР Сорокину-Ковалеву на следствии пришлось комментировать найденную запись его беседы с Плехановым в Самарканде в июне или июле 1930 г. и признать ее аутентичность: «По существу этих заметок заявляю: заметка в документе: “Критика большевизма не нужна, нужна критика контрреволюции” означает, что критиковать сейчас большевизм не следует, поскольку он скомпрометирует себя в глазах населения сам. Но критику нужно направить против контрреволюции. Против реакции, которая может воспрянуть, если произойдет насильственный переворот в стране. Заметка: “Крестьянский Союз” организуется, надо туда идти, добиваясь свободного доступа др[угих] близких групп. По этой заметке сообщаю: когда Плеханов поставил передо мной... о необходимости организации Крестьянского союза, я ему заявил, что Крестьянский союз уже существует и организация его не требуется, нужна легализация существующего. Известно мне о существовании Крестьянского союза с весны 1929 г., когда в Соловки привезли 58 человек Московской и Смоленской губернии, из которых около 50 человек настоящих крестьян. В это время я находился в Соловках, где кроме указанных я встречал и др. лиц, высланных в Соловки по делу Крестьянского союза. О пересмотре программы ПСР я говорил Плеханову, поскольку Программа в части аграрного вопроса уже не подходит по одному тому, что мы имеем перед собой уже землю национализированную, а не частновладельческую, что отдаляет проведение в жизнь социализации земли. По вопросу о монополии торговли я Плеханову высказал свои мнения, что внешняя торговля должна проводиться монопольно, но в некоторых отраслях промышленности необходимо допустить и частную внешнюю торговлю при регулировании ее государством. О свободе труда крестьянина и праве его на плоды своего труда я высказывал Плеханову свое мнение о формах обработки крестьянами земли и кооперировании крестьянства исключительно на добровольных началах без всякого принуждения со стороны власти. В отношении дискредитации социализма и осторожности к нему, разговор с Плехановым у меня был в том смысле, что крестьянству сейчас никаких обещаний о социализме говорить нельзя. Поскольку большевики, обещавшие много, не выполнили своих обещаний. Осторожность в данном отношении должна заключаться в практике реального улучшения положения крестьян, не обещая много в будущем. Вот все политические вопросы, и мое по ним мнение, по которому я имел разговор с Плехановым в Самарканде. Платформы ПСР писанной и обращения к членам партии ПСР я не читал и не видел. Беседа с Плехановым у меня была исключительно устной, без всяких документов. Причем беседу эту с Плехановым я рассматривал как частный разговор и высказывал ему свое состояние здоровья, не позволяющее мне вести активную политическую работу, и свои взгляды на бесплодность политической работы в настоящих условиях»⁷⁵.

В деле имеется и другой донос на Сорокина-Ковалева, якобы сказавшего в апреле 1930 г. в присутствии Иваницкого-Василенко, Ерухимовича, меньшевика Кунина и двоих ссыльных из группы социалистической молодежи Армении: «Кризис, разруха в СССР, отсутствие твердой, прямой линии у партии коммунистов создали в стране такое положение, что в ближайшее время неизбежно должен произойти переворот. Начаться он должен с внутрипартийного переворота, и может кончиться приходом к власти буржуазии; наступит реакция. П.С.Р. удержаться будет трудно. Но задача П.С.Р. идти ко второй революции.... Больше всего мы злы на большевиков за то, что они идею социализма в массах осквернили и опоганили, почему массы могут пойти за реакционным правительством, дабы дальше быть от социализма, в котором они будут видеть большевизм. Но и то, что после большевиков наступит реакция, нас пугать не должно. Мы должны решительно бороться с большевиками»⁷⁶. Вопреки инсинуациям ОГПУ

Сорокин-Ковалев не был сторонником вооруженной борьбы: «Ввиду создавшегося положения внутри СССР, выход из него я вижу в трансформировании существующей власти, но противник свержения власти насильственным путем, путем гражданской войны или интервенции. Мотивы таковы: при насильственном перевороте в создавшихся условиях может воспрянуть реакция. Поскольку крестьянство отрицательно относится к существующей власти, особенно в связи с методами, которыми проводилась и проводится в настоящее время коллективизация сельского хозяйства. Таким образом, в результате насильственного переворота, когда к реакции присоединится и анархия, и остро станет национальный вопрос, то страна будет залита кровью»⁷⁷.

Эта же линия проведена и в платформе: «Должны быть выброшены из головы всякого рода террористические предприятия, вредные без массового движения и не нужные при наличии последнего. Что же касается массового “вооруженного восстания”, то последнее может быть поставлено перед массами не в начале, а лишь в конце движения, если логическое развитие последнего приведет к неизбежности такого рода вывода. Вооруженный способ свержения правительств является единственным только тогда, когда в движение не втянуты широкие массы, когда устранение власти происходит в порядке дворцовых переворотов. При массовом же движении изолированное от населения правительство может сдать свои позиции, дезорганизовавшись еще накануне. Минимальный вред, проистекающий от неподготовленных вооруженных выступлений при дворцовых переворотах, становится огромным, когда в борьбу втянуты миллионы. Он становится чреватым пагубными последствиями не только для непосредственных его участников, но и для масс, от имени которых эти непосредственные участники и выступают и для всей страны, нормальная жизнь которой нарушается такого рода выступлениями»⁷⁸. Похоже, что именно эта линия разделялась большинством ссыльных эсеров. Однако стоит отметить и записанный агентом ОГПУ прогноз Иваницкого-Василенко: «Иностранные государства помогут занять отдельные пограничные территории, в них будет произведена мобилизация и это будет основанием для той армии, которая при поддержке крестьянских восстаний свергнет советскую власть. Период морального воздействия на советскую власть прошел, настал период, когда нужно бороться только свинцом»⁷⁹.

В платформе Плеханова однозначно указывалось, что «современное крестьянское движение включает в себе для социалистической партии большую опасность увлечения на реставраторский путь, втягивание в местные авантюристические предприятия или вообще в преждевременные вооруженные выступления, не сулящие ничего, кроме жестокого подавления. Без большой предварительной пропагандистской организационной работы, без предварительного трансформирования мужицкого антибольшевизма в народно-трудовое движение, ориентированное на положительную социалистическую платформу, на союз с городом П.С.Р. поступила бы крайней легкомысленно, втянувшись в это движение, санкционируя его своим именем»⁸⁰. Предписывалось «сдерживать преждевременные местные эксцессы, не разжигая антибольшевистских настроений, взяв упор на внедрение своей положительной платформы, сознания необходимости согласования своих выступлений с городским рабочим классом, на организацию крестьянства в такие объединения, которые приучили бы мужика действовать согласованно не только с ближайшим соседом, но и со всеми трудящимися»⁸¹. Авторы указывали: «Нельзя на первых же порах навязывать или санкционировать каких бы то ни было радикальных методов, если мы не хотим поражения, расправы, неподготовленных вспышек, провокаций и т.п.»⁸². В документе отмечается: «Будучи социально-революционным, исчерпав все другие возможности и психологически подготовив себя и идущие за ним массы к применению силы, руководящий актив может оказаться победителем еще накануне фактического перехода от оружия критики власти к критике ее оружием». Создается впечатление, что авторы платформы искренне верили в то, что в СССР повторится нечто вроде Февральской революции 1917 г., нечто вроде современных «бархатных» или «цветных» революций. Но они вряд ли были возможны в условиях расцвета жесточайших тоталитарных диктатур и могли состояться только

после длительного периода их разложения, превращения в слабеющие авторитарные режимы.

Как соотносится Ташкентская платформа с программными документами ПСР, принятыми на X Совете партии в 1921 г.? В целом идейная основа оставалась прежней – неонароднический немарксистский социализм, федерализм, развитие самоуправления, широкой демократии – народовластия без отказа от идеи непосредственного внедрения социализма в жизнь. Эти же позиции отстаивались Черновым в его работах, публиковавшихся центральным органом ПСР «Революционная Россия», а в более мягкой форме их придерживалась и группа журнала «Воля России» (Сталинский, Слоним). Ташкентская платформа во многом совпадает с позицией левого крыла эсеров в эмиграции. Но нужно учесть, что к 1930 г. ПСР за рубежом уже не существовала как единая сила, фактически размежевавшись на три течения: правое «парижское», левое и левоцентристское – «пражские».

16–24 ноября 1923 г. в Берлине прошел съезд заграничных организаций ПСР, на котором 11 делегатов поддерживали «левое» течение, а 9 – «правое»⁸³. Резолюция еще носила компромиссный характер: подчеркивалось, что в восстановлении хозяйства России должно «принять частно-хозяйственный почин, предполагающий частную собственность на средства производства и продукты труда», но указывалось, что «земля и природные богатства страны..., а также железнодорожный транспорт должны принадлежать государству». Делегаты считали «возможной национализацию лишь тех отраслей производства, которые отвечают государственной и общественной необходимости или могут быть организованы государством безубыточно»⁸⁴. В общем меморандуме ПСР для Социнтерна в 1925 г. разъяснялась слабость надежд на эволюцию террористической диктатуры большевиков, указывалось, что партия, пока условия не изменятся, «должна ограничиться пропагандой своих идей, восстановлением своих организаций и собиранием сил». ПСР отвергала «путчизм и авантюры» и возлагала свои надежды «только на большие и широкие массовые движения», но не отказывалась от «права на революцию перед лицом насильнического террористического правительства, правительства азиатского деспотизма, уничтожившего всякие легальные формы политической и социальной борьбы»⁸⁵.

К 1927 г. заграничная часть ПСР разделилась уже на четыре фракции. «Правые» – парижский журнал «Современные записки» (Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков, М.В. Вишняк, В.В. Руднев), «правый центр» – газета «Дни» (А.Ф. Керенский, В.М. Зензинов) и большинство эсеров из пражского «Земгора»), «левый центр» – журнал «Воля России» (В.И. Лебедев, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин, М.Л. Слоним). Все три группы были (в рамках СССР–России) федералистами. Им противостояли «левые конфедералисты» (Заграничный Союз ПСР), нерегулярно выпускавшие до конца 1931 г. журнал «Революционная Россия» (В.М. Чернов, В.Я. Гуревич, Г.И. Шрейдер).

К началу 1928 г. оформился окончательный раскол между Черновым, Гуревичем и большинством заграничной делегации ПСР. Чернов и его сторонники вошли в Лигу нового Востока, фактически вступили в блок с национальными движениями и партиями нерусских народов, выказав готовность к созданию на месте СССР (России) даже не федерации, а конфедерации или еще более аморфного надгосударственного образования.

Для большей части современников-эмигрантов поступок Чернова означал союз с врагами единства исторической России, блокирование с сепаратистами. Но в свете произошедших в XX в. в СССР событий, ориентация Чернова на союз с «националами» ради победы над большевизмом может показаться более прагматичной, чем позиция у его оппонентов. Тем не менее, не принимая блока Чернова с сепаратистами, первые три группы (обе правых и левоцентристы) вопреки мнению четвертой готовы были создать общий партийный центр взамен ликвидированного из-за арестов в России Центрального бюро. В ответ Чернов в статье «Very dangerous» писал: «Как бы ни была загнана партия в подполье, как бы ни была она обескровлена и парализована арестами, как бы ни был качественно понижен ее личный состав заменой многоопытных и ста-

рых работников – малоопытными и молодыми, – только выношенное и выстраданное ежедневным опытом борьбы там, на местах полноценно; только прислушиваясь чутким ухом к этому выношенному и выстраданному, может эмиграция сохранить свою полноценность для партии»⁸⁶.

Уже с осени 1927 г. недовольные линией Чернова пражские эсеры начали выпуск журнала «Социалист-революционер» под редакцией членов Заграничной делегации Постникова, Слонима, Сталинского и Сухомлина. Чернов отверг претензии коллег, заявив: «Восстановление мощи партии должно вестись не на зарубежном отработанном материале, а на могучей молодой социал-революционной поросли там в России, на новом поколении, выросшем из новой почвы, в новых условиях, проникнутом новыми стремлениями, руководимом новыми потребностями и пропитанном органическим отвращением ко всякому движению вспять, ко всякой реставрации... сплочение и сосредоточение сил не может определяться лозунгом: “хоть с чертом, только бы против большевиков”, – лозунгом, который в худшем случае приводит к мельгуновщине, в лучшем – к списку сотрудников “Дней” с участием в нем четырех редакторов “Социалиста-Революционера”. Партии необходимо такое сосредоточение сил, которое рассчитано на грядущее строительство, долженствующее повести Россию быстрым темпом по верным путям к социализму»⁸⁷. Вопреки позиции Чернова на апрель 1928 г. был назначен заграничный съезд эсеров, от участия в котором находившиеся в абсолютном меньшинстве сторонники Лиги Нового Востока отказались. Они создали Заграничный Союз ПСР и бичевали предложения А.Ф. Керенского о «возврате к здоровому капитализму» как реакционную и контрреволюционную утопию. Черновцы отрицали идеи групп «Современных записок» и «Дней» как глубоко реакционный уклон к «богоискательству»⁸⁸. В свою очередь, на съезде социалистов-революционеров в Париже «нововосточный» курс Чернова был отвергнут всеми 22 делегатами всех трех течений, а «Революционной России» отказали в праве быть центральным органом ПСР.

В конце 1920-х гг. часть группы журнала «Воля России» (Сталинский, Сухомлин, Слоним), не принимая дикие методы сталинской коллективизации, была готова использовать ее результаты, т.е. обобществление крестьянских хозяйств, а член редколлегии О.С. Минор – и вовсе оставить крестьян в колхозах. Эта линия подвергалась резкой критике со стороны Керенского и группы «Современных Записок». В декабре 1930 г. – марте 1931 г. проходила конференция Пражской группы ПСР, на которой звучали схожие мысли, и жестко осуждалась практика коллективизации⁸⁹.

Общепартийная линия просматривается в вышедшем в Праге в январе 1931 г. № 3 журнала «Социалист-революционер», заявившем о противостоянии эсеров сталинизму: «Россия снова превратилась в страну всеобщей безысходной нищеты, голода, ужасающих лишений, в печальную “юдоль” нечеловеческих страданий населяющих ее масс... Терпя неудачу в своих планах строительства, обрекая население на еще более тяжкие, чем раньше испытания, которые уже ничем нельзя оправдать, и, вместе с тем лишая его последних крупниц индивидуальной свободы и одевая на него рабское ярмо, упорствующая в своем безумии сталинская диктатура для своего самосохранения требует, как ненасытный Молох все больше и больше живых человеческих жертв... Только народное движение против кремлевского деспотизма – и только оно – могло бы изменить течение политических событий в России... Но пока оно не возникнет, все останется по-прежнему, какие бы поражения ни терпел Сталин на хозяйственном фронте, и в какой бы кошмар ни превратилась жизнь в России»⁹⁰.

Платформа Плеханова и его коллег, дойди она до эмиграции в 1930–1931 гг., скорее всего, получила бы поддержку и ультралевых конфедералистов Чернова, и левоцентристской пражской группы «Воли России». Можно отметить совпадения по многим вопросам: и отказ от коалиции с «буржуазией», и курс на сохранение «социалистических» завоеваний революции. Так что появление в руках эмигрантов платформы Плеханова усилило бы позиции левого крыла в ПСР.

Но ОГПУ удалось выполнить поставленную задачу – удушить очередную попытку интеллектуального сопротивления сталинскому режиму и не дать политическим до-

кументам, созданным в ссылке противниками большевизма, дойти до бесцензурной эмигрантской или западной прессы. Аресты по делу «Реставрация» продолжались в октябре и ноябре 1930 г. – брали и отошедших от политики и не покаявшихся эсеров в Москве, Ленинграде, Казани, Ташкенте, во Фрунзе, «упаковав» в одно дело к декабрю того же года до полусотни человек.

Все проходившие по делу были разделены на две категории. Решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 23 декабря 1930 г. видные эсеры во главе с Плехановым получили по 3 года политизолятора, более молодые – по году тюрьмы, все – с дальнейшей ссылкой в отдаленные районы СССР⁹¹. Молодежи – как, например, студентке Евгении Колесниковой дали высылку на 3 года в Северный край. При этом и реально пытавшимся заняться политикой авторам платформ, и болтавшим на собственной кухне ОГПУ выписало одинаковые сроки⁹². Позже смягчена была участь Колосова: 23 января 1931 г. ему заменили ссылку на «минус»: «запретить проживание в гор. Ленинграде на 3 года»⁹³. Он даже поселился в Москве, что, правда, не спасло его потом от нового ареста в феврале 1933 г. по делу «левонародников». На новом следствии Колосов мужественно заявил: «Я не прекращал и не нахожу нужным прекращать борьбу за свои народнические идеи. В интересах этой борьбы я пользовался трибуной легальной советской печати... Не отрицаю, что я критиковал политику соввласти и ее мероприятия по разным вопросам. Вообще, политикой соввласти я не очарован»⁹⁴.

Самый заметный из молодых эсеров – Плеханов в 1934 г. был снова арестован в Архангельске за очередную попытку интеллектуального сопротивления большевизму: он начал писать книгу с анализом взглядов Н.К. Михайловского: «За последнее время стал проявляться интерес к идеологии 70-х годов, Лаврову и Михайловскому, я решил еще в изоляторе дать систематизированное изложение философско-социологических взглядов Михайловского, чем облегчилось бы рассмотрение его мировоззрения. Работа была рассчитана на 500–600 страниц, и предполагалось, что я предложу ее одному из издательств СССР издать с любым предисловием»⁹⁵. В ссылке в Архангельске Плеханов неосторожно высказался по поводу отмены карточек, убийства Кирова, а, главное, сообщил сослуживцам, что в политизоляторе троцкисты рассказали ему о завещании Ленина. Свои взгляды Плеханов не скрывал: «В вопросах философии и социологии остаюсь сторонником Лаврова и Михайловского, что же касается вопросов политического характера, я не являюсь сторонником диктатуры пролетариата и нынешнего государственного строя в СССР... По вопросу о государственном устройстве в Советском Союзе я придаю большое значение предполагаемому изменению конституции: проведение прямых, равных и тайных выборов при свободе голосования может существенно изменить структуру и функции органов власти и мое отношение к ней»⁹⁶. Он был сослан на 5 лет уже в Тобольск⁹⁷, где его и убили в 1937 г. Тогда же Колосов вместе с женой Валентиной был также расстрелян НКВД в Тобольске. Практически всех проходивших по делу «Реставрация» видных эсеров расстреляли по спискам НКВД в 1937–1938 гг. Пожалуй, единственное известное автору исключение – профессор Л.К. Солдатов. Его арестовали в 1938 г. в Архангельске, где он жил после ссылки. В 1939 г. он был выпущен на свободу, но след его на воле потерян. Все это вновь подтверждает гипотезу о том, что в 1936–1938 гг. Сталин поставил задачу физического уничтожения всех, проходивших по учетам НКВД как члены партий эсеров и меньшевиков⁹⁸.

Если бы появившаяся в России в 1930 г. новая платформа ПСР попала на Запад, она могла дать импульс к дискуссиям в эмиграции, показать миру, что интеллектуальное сопротивление большевистской диктатуре не задумано. Именно поэтому ОГПУ сделало все, чтобы уничтожить какие бы то ни было попытки свободного обсуждения партийных планов оппозиционерами даже в ссылке. Попытка возродить ПСР была пресечена властями, а с ней была уничтожена и возможность выработки на российской почве альтернативных ортодоксальному большевизму вариантов развития социализма. Как показано выше, эсеры на рубеже 1930-х гг. признали: идея социализма была полностью дискредитирована большевистской практикой. Носители других, гуманных практик и идеалов демократического социализма не смогли передать свои идеи сле-

дующему поколению, так как были сначала изолированы в тюрьмах и ссылке, а затем уничтожены во время Большого террора 1937–1938 гг. Социалистическое крыло народнической эмиграции было немногочисленным, и хотя в середине 1950-х гг. его ветераны попытались объединить меньшевиков и эсеров, они не смогли привлечь к своим идеям ни «вторую», ни «третью» волну эмиграции из СССР. Социалисты «третьей волны» В.В. Белоцерковский и П.М. Абовин-Егидес стали заметными персонками эмиграции, но и они остались одиночками и не получили поддержки в обществе в 1990-е гг.

Примечания

¹ Революционная Россия. № 33–34. 1924. С. 35.

² *Лебедев В.И.* Нравы (О человеческой грязи) // Воля России. 1930. № 5–6. С. 519.

³ См.: *Лебедев В.И.* В России // Воля России. 1929. № 9–12. 1930. № 1–6.

⁴ Памяти В.И. Лебедева. Сборник. Нью-Йорк, 1958. С. 31–32.

⁵ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦА ФСБ РФ), д. Р-35062, т. 2, л. 362.

⁶ См., например: *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914. М., 1998; *Ерофеев Н.Д.* Социалисты-революционеры // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993.

⁷ См.: *Коновалова О.В.* В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009; *Гусев К.В.* Виктор Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). М., 2000.

⁸ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917–1925 г. М., 2000.

⁹ *Салтык Г.А.* Неонародническое движение Черноземного центра России: 1901–1923 гг. М., 2002.

¹⁰ *Юрьев А.И.* Тульская организация партии социалистов-революционеров (1917–1923 гг.). Тула, 2000.

¹¹ См.: *Янсен М.* Суд без суда, 1922 год [Текст]: показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

¹² См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М., 2002; *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.

¹³ *Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999.

¹⁴ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-85423, л. 11–13.

¹⁵ Там же, л. 137.

¹⁶ См., например: *Чубыкин И.В.* Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1996; *Федоров М.В.* Журнал «Революционная Россия» в 1920–1928 гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. СПб., 2000. С. 20–25; *White E.* The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party. 1921–1939. L.; N.Y., 2010.

¹⁷ См.: *Олицкая Е.Л.* Мои Воспоминания. Посев. Франкфурт-на-Майне. 1971.

¹⁸ НА ФСБ РФ, д. Р-35062, т. 1, л. 739.

¹⁹ Там же, л. 398.

²⁰ Революционная Россия. 1921. № 11. С. 2.

²¹ Там же. С. 7.

²² Там же. С. 3.

²³ Там же. № 19. С. 43.

²⁴ Там же. № 20. С. 27.

²⁵ Воля России. 1922. № 3. С. 39.

²⁶ Там же. 1923. № 2. С. 54.

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ Революционная Россия. 1923. № 24–25. С. 22.

²⁹ Там же. С. 23.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 24.

³² Там же. С. 25.

³³ Воля России. № 18. 1923. С. 33.

- ³⁴ ЦА ФСБ РФ, д. Р-35062, т. 1, л. 693.
- ³⁵ Там же. Т. 2, л. 197–198.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же, л. 200.
- ⁴² Там же, л. 199.
- ⁴³ Там же, т. 1, л. 771.
- ⁴⁴ Там же, л. 412.
- ⁴⁵ Там же, л. 435.
- ⁴⁶ Там же, т. 2, л. 314–316.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же, л. 314–316.
- ⁴⁹ Там же, л. 207.
- ⁵⁰ Там же, л. 209.
- ⁵¹ Там же, л. 316.
- ⁵² Там же, л. 317–318.
- ⁵³ Там же, л. 316.
- ⁵⁴ Там же, л. 213.
- ⁵⁵ Там же, л. 320–322.
- ⁵⁶ Там же, л. 322.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же, л. 215.
- ⁵⁹ Там же, л. 322–324.
- ⁶⁰ Там же, л. 215.
- ⁶¹ Там же, л. 216.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же, л. 218.
- ⁶⁴ Там же, л. 219–220.
- ⁶⁵ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Т. 1–5. М., 1998–2011.
- ⁶⁶ ЦА ФСБ РФ; д. Р-35062, т. 2, л. 219–220.
- ⁶⁷ Там же, л. 221–222.
- ⁶⁸ Там же, л. 324.
- ⁶⁹ Там же, л. 237.
- ⁷⁰ Там же, л. 370.
- ⁷¹ Там же, л. 371.
- ⁷² Там же, л. 373.
- ⁷³ Там же, т. 1, л. 754.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же, л. 689.
- ⁷⁶ Там же, л. 704.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же, т. 2, л. 225–227.
- ⁷⁹ Там же, т. 1, л. 754.
- ⁸⁰ Там же, т. 2, л. 222.
- ⁸¹ Там же, л. 223.
- ⁸² Там же, л. 225.
- ⁸³ Революционная Россия. № 32. 1923. С. 9.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же. № 44. 1925. С. 10.
- ⁸⁶ Там же. № 59–60. 1927. С. 15.
- ⁸⁷ Там же. № 61. 1927. С. 2.
- ⁸⁸ Там же. № 69. 1928. С. 30.
- ⁸⁹ Социалист-революционер. 1931. № 5. С. 20–22.
- ⁹⁰ Там же. № 3. С. 5.
- ⁹¹ ЦА ФСБ РФ, д. Р-35062, т. 2, л. 381–383.
- ⁹² «Выписка из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 23 декабря 1930 г. 1. Кудрявцева Сергея Андреевича, 2. Максимова Юрия Николаевича, 3. Чижева Владимира Петровича, 4. Керопян Леонида Кероповича, 5. Ендржиевского Василия Александровича, 6. За-

усаева Ивана Сафроновича, 7. Ленькова Ивана Семеновича, 8. Воробьева Никанора Павловича, 9. Плеханова Ивана Андреевича, 10. Солдатова Леонида Константиновича, 11. Росик Савву Игнатьевича, 12. Карасева Василия Васильевича, 13. Новикова Константина Андреевича, 14. Величанского Григория Семеновича – заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на три года..., 15. Филиппова Василия Григорьевича, 16. Лукьянчикова Георгия Иосифовича, 17. Зисман Арона Ильича, 18. Лобыцина Петра Константиновича, 19. Шмелева Николая Андреевича – заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на один год..., 20. Мюнх Владимира Кирилловича – выслать через ПП ОГПУ на Урал сроком на три года..., 21. Абрамова Василия Семеновича, 22. Коренева Степана Михайловича – выслать через ПП ОГПУ в Казахстан сроком на три года..., 23. Милова Николая Васильевича, 24. Колесникову Евгению Николаевну – выслать через ПП ОГПУ в Северный край сроком на три года..., 25. Замуховского Якова Михайловича – выслать через ПП ОГПУ в Среднюю Азию сроком на три года. Дела 26. Ефимовой Александры Дмитриевны, 27. Тумаковой Августы Макаровны, 28. Чистосердова Ивана Петровича – прекратить. Во изменение прежнего постановления: 29. Иваницкого-Василенко Александра Александровича, 30. Филатова Сергея Николаевича, 31. Чернова Бориса Викторовича, 32. Мухина Николая Леонтьевича, 33. Раснер Саула Моисеевича – заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на три года... 34. Штерн Соломона Ильича, 35. Кривчик Петра Иовича, 36. Котробай Константина Ивановича, 37. Михайлова Александра Романовича, 38. Фонштейн Авраамия Самуиловича, 39. Четкина Алексея Ивановича, 40. Тарасова Бориса Фавстовича, 41. Кастакина Леонида Леонидовича, 42. Донич Андрея Николаевича, 43. Тавровского Израила Наумовича, 44. Кондратьева Михаила Павловича, заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на один год... 45. Колосова Евгения Евгеньевича, 46. Гомзякова Александра Николаевича выслать через ПП ОГПУ на Урал сроком на три года..., 47. Сорокина-Ковалева Федора Даниловича выслать через ПП ОГПУ на Урал сроком на три года... Дело в отношении гр. гр. 48. Леонтьева Александра Сергеевича, 49. Ивченко Григория Васильевича, 50. Оронштейн Фани Ильиничны, 51. Покровского Ильи Федоровича – прекратить, 52. Ивановой-Ирановой Елены Александровны – выделить» (ЦА ФСБ РФ, д. Р-35062, т. 2, л. 380–381).

⁹³ Там же, л. 386.

⁹⁴ Там же, д. Р-36036, т. 3, л. 26–28.

⁹⁵ Архив Управления ФСБ РФ по Архангельской области, д. П-13006, л. 19.

⁹⁶ Там же, л. 13.

⁹⁷ Там же, л. 45.

⁹⁸ Д.Б. Павлов считает, что в 1937–1941 гг. было расстреляно 97–98% социалистов. К концу 1953 г. в особых лагерях и тюрьмах МВД СССР из 94,7 заключенных менее 2 тыс. проходили по учету как «правые», «троцкисты», «меньшевики» и «эсеры» (Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура... С. 99–100).

© 2012 г. О. В. ХЛЕВНЮК *

РОКОВАЯ РЕФОРМА Н.С. ХРУЩЕВА: РАЗДЕЛЕНИЕ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ. 1962–1964 ГОДЫ

В конце 1962 г. Хрущев провел свою известную и непонятную реформу – разделение партийного и советского аппаратов в республиках, краях и областях по отраслевому принципу: на промышленный и сельскохозяйственный. Не решив тех задач,

* Хлевнюк Олег Витальевич, доктор исторических наук, главный специалист ГА РФ, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена в рамках проекта «Советские руководящие региональные сети. 1945–1970» (совместно с профессором Й. Горлицким, Манчестерский университет) при поддержке UK Economic and Social Research Council (ESRC) (грант № 000230880).